

И. ШМЕЛЕВ И В. КРУПИНА: К ИСТОКАМ ДУХОВНОГО РЕАЛИЗМА

Возрождение истоков духовных традиций, в основе которых лежит православие, в литературе конца XX – начала XXI в. дало импульс развитию направления, получившего название «духовный реализм».

Изучение этого явления восходит к исследованиям XIX в. и связано с именами Зеньковского, Мочульского и др. Известные всем исторические события XX в. сделали невозможным развитие данного направления. Лишь в 80-е гг. XX в. появилась возможность осмысления феномена духовного реализма в светской литературе. Наше обращение к именам И. Шмелева и В. Крупина объясняется рядом причин. Во-первых, тем, что литература XX в. подарила миру два имени писателей-классиков, творящих в русле духовного реализма (имеем в виду Б. Зайцева и И. Шмелева). Как видим, оба писателя принадлежали к так называемой ветви русского зарубежья, так как именно за рубежом могли отчасти сохраняться духовные ценности православия. Во-вторых, важно проследить динамику духовного реализма в современной литературе конца XX – начала XXI в.. В плане наследования традиций и проявления новаторства мы обратимся к творчеству В. Крупина, так как, по нашему мнению, это один из немногих светских писателей-прозаиков к творчеству которого применим термин «духовный реализм». Сопоставление произведений авторов, значительно отдаленных во времени (30-е и 80-е гг. XX в.) и находившихся в условиях разных государственных систем (И. Шмелев жил во Франции, В. Крупин – в СССР), позволит увидеть наглядно, как удалось верующим писателям пронести, закрепить и развить традиции в изображении православных реалий. Естественно, что первоисточником для обоих авторов, осознанно или неосознанно, была древнерусская литература, так как изначально православный взгляд на мир был запечатлен в церковной литературе, которая не имела альтернативы в Древней Руси, а в более поздний период ее точка зрения была доминирующей в оценке реальности.

Обосновывая выбор имен для сопоставления, укажем на следующее: во-первых, оба писателя каждый своим путем пришли к православию, оба – воцерковленные люди. Следовательно, их взгляды на мир и его отражение в художественной прозе имеют черты сродства; во-вторых, как отмечалось выше, произведения И. Шмелева и В. Крупина принадлежат к одному направлению, названному «духовный реализм»; в-третьих, есть жанровое сродство, восходящее к древнерусской традиции. Произведения обоих писателей представляют собой развитие жанра хождения; в-четвертых, сопоставление произведений, разделенных полувековым промежутком времени, позволит ярче проиллюстрировать художественное своеобразие произведений духовного реализма именно в аспекте традиций и новаторства.

Цель настоящей работы – анализ соотношения традиционного и новаторского в указанных произведениях И. Шмелева и В. Крупина в осмыслении духовного бытия человека XX в.. Как отмечают современные исследователи (М.М. Дунаев, А.М. Любомудров, В.А. Редькин и др.), в основе духовного реализма лежит особый взгляд на мир, духовная вертикаль, устремленная к Христу, определяет всю ткань художественного произведения на разных его уровнях. Обратимся к повестям «Богомолье» И. Шмелева и «Великорецкая купель» В. Крупина.

Для воцерковленных писателей важно, что онтологическая картина видится через категории христианской морали. Одно из ее ключевых понятий – грех. Ощущение собственной греховности дает возможность не возгордиться и стремиться к очищению в себе божественного начала. Проявляется это, например, в смирении. У древнерусских писателей существовала анонимность. Автор не должен был являть себя. Все, что опи-

сывалось, было боговдохновенным и не принадлежащим автору. Смирение становилось одной из добродетелей изображенных персонажей. У И. Шмелева и В. Крупина повествователи отличаются рядом особенностей. Их объединяет ощущение собственной греховности. Слово «грех» – один из распространенных критериев оценки правильности/неправильности жизни. Обратим внимание на то, что повествование И. Шмелева ведется от первого лица, от лица Ивана Шмелева в детстве, правда, одним из центральных героев этого рассказа становится инициатор святого хода к Троице-Сергиевой Лавре Михаил Горкин, воспитатель и наставник юного Вани: Повествование В. Крупина ведется от третьего лица, от лица героя, близкого автору. Сходство – в минимальной дистанции между автором и рассказчиком. В первом случае впечатления героя юного возраста корректируются оценками взрослого писателя, что особенно заметно в финале. Во втором случае взрослый, умудренный собственным путем в православии герой, описывает жизнь человека, пострадавшего за веру. Этот человек – Николай Иванович Чудинов, вятч, земляк автора – становится главным героем хождения В. Крупина. Интересно, что имя персонажа перекликается с именем Николая Чудотворца, к месту обретения иконы которого ведет крестные ходы Николай Иванович. Отличие связано с тем, что у И. Шмелева – саморефлексия героя, а у В. Крупина показ героя извне.

Михаил Горкин и Николай Чудинов в восприятии окружающих очень близки. Их обоих считают ласковыми, добрыми старичками, оба они становятся инициаторами крестного хода к святыням. Горкин ведет верующих в Троице-Сергиеву Лавру, Чудинов – к месту обретения иконы Николая Чудотворца. Мир и себя оба героя видят через призму христианских категорий. Один из центральных эпизодов «Богомолья» – рассказ Горкина Ване о своем грехе. Он считает себя виновником гибели подмастерья. Прощенный и родителями мальчика, и юридическим судом Горкин всю жизнь не может себя простить сам. С детства это чувство греховности отличает воцерковленного Ивана. Например, он хочет поспорить с внучкой Домны Панферовны, но вспоминает «что теперь грех, – душу надо очистить, раз идем к Преподобному»¹. Не случайно такое восприятие мира свойственно даже ребенку. С детства наставник Горкин внушает нравственные принципы своему воспитаннику. «От горя не отворачивайся... грех это!» (С. 446), – говорит Горкин, когда Иван хочет отвернуться от парня-инвалида, лежащего на возу. Кланяется всем смиренно Федор, который хочет уйти в монастырь, считает себя самым грешным. Николай Иванович Чудинов всю жизнь корит себя за грех. В молодости он увлекся сектантством, отказался воевать за Отечество. Отец и брат его погибли на войне, другой брат вернулся инвалидом, а Николай Иванович считает, что не купил свой грех ни сроком в лагере, ни последующей жизнью, проведенной в испытаниях за веру. Николай Иванович вспоминает Сергия Радонежского, благословившего на справедливую брань за веру и Отечество даже монахов-схимников. Пример Преподобного для героя – живой укор всю жизнь. Грех и покаяние, таким образом, краеугольные камни мировосприятия главных героев произведений И. Шмелева и В. Крупина. Воспоминания о православных святых и святынях, отношение к ним как к существующим рядом живым примерам очень характерно для обоих писателей. Вероятно, от того, что для Бога нет мертвых, и для писателей святые являются современниками.

Исследуя особенности древнерусского взгляда на историю, Д. С. Лихачев в своей статье «Лев Толстой и традиции Древней русской литературы» отмечал, что мысль «не в силе Бог, но в правде», реализованная Толстым, наследуется им из Древней русской литературы. Д.С. Лихачев пишет: «В основе этой мысли Толстого лежит этический взгляд на историю, и этот взгляд вполне «древнерусский». Это видение истории в

¹ Шмелев И. Лето Господне; Богомолье; Статьи о Москве / Сост., вступ. ст., ком. Б. Н. Любимова. М., 1990. С. 425. (далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием страниц).

аспекте той высшей правды, которая в ней заключена, – своеобразный средневековый «этический оптимизм»². Этот взгляд на историю присущ героям И. Шмелева и В. Крупина. Важно, что они видят прошлое в аспекте высшей правды. Не случайно осознание греховности для Николая Ивановича напрямую связано с апелляцией к прошлому. Старец Геннадий открывает Чудинову истину. «Тогда-то старец рассказал о Преподобном Сергии, конечно, не впервые услышал Николай Иванович о Сергии, но впервые о том, что в годину, тяжелую для России, своею волею Преподобный Сергий повелел взять оружие даже монахам»³. Цель и смысл паломничества Горкина к Сергию Радонежскому – та же апелляция к святыням прошлого как к высшей правде. Важно, что образы святых в сознании верующих и события, отдаленные во времени, воспринимаются как факт их сегодняшней жизни. Все дела они сверяют с указаниями святых, все происходящее воспринимают не как случайность, а как Божий Промысел.

Отсутствие мелочей, случайностей в жизни характеризует взгляд на мир персонажей И. Шмелева и В. Крупина. Ощущение реальности существования Бога, который помогает, спасает и всегда рядом с человеком, часто передано через яркую художественную деталь, факты биографии героев, прямые высказывания персонажей. Например, герои И. Шмелева оказываются приглашенными на ночлег к игрушечнику Аксенову, потому что расписная тележка, специально для богомолья найденная в сарае и снаряженная в путь, оказывается творением хозяина дома и его отца. Старик Аксенов так оценивает ситуацию: «Вас сам Преподобный ко мне привел» (С. 492). «Как Господь-то устраивает!» – кричит Горкин. – Будет теперь селедку твою помнить до самой смерти» (С. 435), – замечает писатель, когда Федя отдает селедку нищему. Господь помогает и направляет, давая каждому по вере его. Быстрое избавление Горкина от боли в ноге видится как помощь Господа ради святой дороги. Спасение Михаила Горкина от гибели во время падения с лесов – тоже Промысел и заступничество божье.

У В. Крупина Николай Иванович и делом (судьбой), и словом подтверждает веру в реальность бытия Бога. Сестре он говорит: «Нет, Раечка, милая... случайного в мире не водится» (С. 448). Так оценивает окончание жизни Гриши, когда-то сбрасывавшего церковный колокол, герой. Навозная телега, на которой увозили Григория в последний путь, место за оградой кладбища, где хоронят только грешников, – все видится в перспективе высшей, неслучайной правды. Николай Иванович на вопрос следователя о вере в Бога прямо отвечает: «Все более укрепляюсь в вере. И в каждом дне вижу Промысел Господа» (С. 532).

В этой вере в реальность присутствия в мире Христа важное место отводится чуду. Как чудо оцениваются многие события, но важно различать чудо как проявление Божьего Промысла и чудо как фантастический бред воспаленного сознания. Существенно, что и И. Шмелев, и В. Крупин, во-первых, мотивируют чудесное реальностью бытия Бога в мире. Во-вторых, оба писателя указывают на различие чуда как знака бытия Господа в мире и чуда как греховной прелести. Например, рассказ «божественного старичка» об исцелении больных из купели у Троицы; случай с красавицей-молодкой, которая постепенно приходит в себя уже на пути к Троице; пророчества прозорливого старца Варнавы Шмелеву видятся как чудо. Причем если это факты, уже подтвержденные временем (как, например, действительные пророчества старца Варнавы И. Шмелеву), то они приводятся в оценке взрослых; если же это факты близкого к язычеству эмоционального восхищения природой, миром (например, видение Иваном розовой свечи Троицы), то они сопровождаются ссылками на возраст повествователя и словами

² Лихачев Д.С. Литература – реальность – литература // Лихачев Д.С.. Избранные работы: В 3 т. Л., 1987. Т. 3. С. 312.

³ Крупин В. Избранное: В 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 472 (далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием страниц).

«как в сказке» (С. 521, 522 и т. д.). У В. Крупина важно указание умудренного опытом героя: «Были и такие воспоминания, в которых хотелось видеть знак, промысел, провидение» (С. 499). «Хотелось видеть» – призыв к христианскому трезвению в восприятии чудес, что очень свойственно героям В. Крупина. Как видим, в основе восприятия чудесного есть сходство между И. Шмелевым и В. Крупиным.

Традиция древнерусской литературы здесь переосмыслена. Религиозный взгляд на мир был единственно авторитетным для книжников этого периода. Изменения, сначала произошедшие в сознании человека нового времени, увлечение интеллигенции позитивизмом, затем секуляризация культуры, начавшаяся в XIX в. и политически утвержденная в Советской России в XX веке, привели к пересмотру характера и роли чудесного в картине мира верующего человека.

Уже в изображении И. Шмелева мир распадается на два. Иван постоянно говорит о том, что люди, отправляющиеся на богомолье, становятся другими. «Мы – на святой дороге, и теперь мы другие, богомольцы» (С. 435). «Речка мне кажется святой. И кругом все – святое» (С. 446). «Там – все другое, не как в миру» (С. 427). У В. Крупина мир разделен на верующих и борющихся с ними. Борьба разворачивается на уровне системы и на уровне индивидуальности. Николай Иванович прошел за свои религиозные убеждения через лагерь, но и после реабилитации политических судимостей с него как с верующего снята не была. В течение всей жизни Николая Ивановича происходит и личное противостояние: Чудинов – Шлемкин. На стороне Николая Ивановича сотня старух, на стороне Шлемкина закон и власть. Николаю Ивановичу помогают его терпение, смирение, порядочность. Таким образом, принципы двоимирия у И. Шмелева и В. Крупина разные. В основу разделения миров у И. Шмелева положен критерий святости, у В. Крупина – религиозности. Вероятно, связано это с тем, что И. Шмелев вспоминает времена, когда последствия гонений на церковь еще не нанесли урона целостности нации и сознанию верующего человека (конец XIX – начало XX в.). В. Крупин показывает людей, которые прошли испытания за веру, выпавшие им на протяжении истории Советского государства (80-е гг. XX в.).

Факт этот отражен в масштабности и разноуровневости хода богомольцев в «Богомолье» и «Великорецкой купели». Древнерусский жанр хождения, к которому восходят произведения И. Шмелева и В. Крупина, объединяет авторов. Святая цель, чистота героев, движущихся к этой цели, ощущение красоты мира как Божьего Творения отражены у обоих писателей. Не случайно образы солнца, света сопровождают героев и И. Шмелева, и В. Крупина, когда они движутся к святыне. Обратим внимание на важное различие в изображении паломничества. Герои И. Шмелева движутся в огромном потоке людей, которых писатель не идеализирует (вспомним «охальников», которых наказал Федор). В целом все же путешествие Горкина – малая толика среди огромного потока верующих. Богомольцы на пути встречают и посещают другие святыни. «Часовня Николая Чудотворца, у Каменного Моста, уже открылась, заходим приложиться, кладем копейки» (С. 431). «Иверская открыта, мерцают свечи» (С. 432). Герои В. Крупина идут к месту обретения иконы Николая Чудотворца, на пути не встречаются иные святыни. Это реальность 60-80-х гг. XX в.. У В. Крупина верующие – это маленькая группа старушек (около сотни) во главе с Николаем Ивановичем. Нет масштабности хода. Жизнь человека перестала естественно соотноситься с датами христианского календаря и реалиями христианской жизни. Внешняя сила и масштабность на стороне власти и равнодушных к вере людей. Правда, безнадежности нет. Об этом свидетельствует финальное «Верую!» Николая Ивановича, который вместе со старухами не дает прерваться крестному ходу, что совершался уже шесть столетий. Внучка Кати Липатиной, впервые идущая вместе с бабушкой, тоже символическое воплощение надежды на возрождение традиций. Ребенок олицетворяет преемственность в вере, которую

не удалось вытравить годами гонений на церковь. Символичность и разноуровневость хождения имеет свои особенности у И. Шмелева и В. Крупина.

На наш взгляд, сам ход имеет в обеих повестях многоуровневую структуру со своей спецификой. В повести И. Шмелева путь к Троице-Сергиевой Лавре показан как важнейший эпизод в формировании юного автора. В повести В. Крупина крестный ход к месту обретения иконы Николая Чудотворца вписывается в полную историю жизни Николая Ивановича. Судьба Чудинова рассматривается в категориях испытания веры. Крестный ход в год тысячелетия крещения Руси, описанный в повести, в свою очередь, вписан в летопись ходов, которые много лет совершал Николай Иванович. Вероятно, можно говорить, во-первых, о крестном пути всей страны и, во-вторых, о крестном пути как об индивидуальной судьбе верующего человека. Объединяет повести И. Шмелева и В. Крупина воспоминание о крестных ходах, совершающихся из года в год. У И. Шмелева Горкин упоминает, что к Иверской «осямнадцать ходов за мной» (С. 408). У В. Крупина Николай Иванович рассказывает, что ходили к месту обретения иконы Николая Чудотворца каждый год, лишь в 1552 г. не было Великорецкого похода. При нем крестный ход не состоялся в 1961 г.. Это видение каждого крестного хода в ретроспективе и перспективе указывает на важность повторяющихся символических поступков. Именно на воспоминании (т.е. повторяемости в сердце и уме) событий Священной истории основано христианское отношение к фактам жизни. Православие поддерживает верность своему роду, корням, родине. У И. Шмелева ребенку-рассказчику вспоминать еще нечего, поэтому воспоминания вынесены за рамки повести. Рассказ ведется в настоящем времени. Важно, что в традициях памяти рода воспитывают героя и отец, и Горкин. Например, Горкин внушает Ивану: «Отца – матери благословение – опора, без нее ни шагу... как можно! Будешь на него молиться (на образ Святой Троицы, подаренный отцом – И. К.), папеньку вспомнешь – помолишься» (С. 511).

Воспоминание о Святой Руси составляет содержание повести И. Шмелева. Как уже отмечалось, события переданы в настоящем времени. В этом верность православной традиции, ощущение себя героем истории. У В. Крупина возрастом главного героя, временем, в которое написано произведение, особенностями повествователя, воспринимающего судьбу Николая Ивановича извне, объясняется постоянное и настойчивое обращение к памяти рода, родителей, родины в аспекте православной духовности. Примеров множество. Чудинов просит учительницу Ольгу Сергеевну: «С деточками собирай сведения о погибших деревнях» (С. 491). Далее очень подробно автор передает воспоминания жителей Святополя о погибших близлежащих деревнях. Между Николаем и его братом Арсением наступает примирение. Заметим, что их объединяет память о родителях.

Воспоминание о неудавшейся возможности помолиться на Секирной горе, что на Соловках, автор передает с помощью евангельской образности: «Просил, просил матросов, потом по-евангельски отер подошвы сапог, отряс прах с ног на трап... и пошел» (С. 499). Катя Липатникова, борясь за веру, апеллирует к образам, священным для каждого, помнящего свой род и историю. Всех гонителей веры она смиряет словами: «Я – маленький человек, темная я, но ежели такие великие люди, как (следовало перечисление Мономаха, Калиты, Невского, Донского, Суворова, Кутузова...), если они веровали, то мне, пыли и грязи человеческой, как не веровать?» (С. 534). Итак, память об истории у современного автора очень тесно связана с православием, без веры невозможна духовная жизнь, не состоится преемственность традиций. Это общее для И. Шмелева и В. Крупина отношение к прошлому, только каждый из писателей выражает его по-своему. И. Шмелев использует особенности рассказчика, тип повествова-

ния. В. Крупин постоянно возвращает всех героев к своему прошлому, через указание необходимости памяти как духовной составляющей жизни человека для каждого героя.

В христианском осмыслении памяти важен еще один момент, присутствующий у обоих писателей. В «Богомолье» есть интересный эпизод, связанный с восприятием смерти ребенком. Художественно и психологически достоверно И. Шмелев показывает, как подлинно религиозное осмысление смерти несет радость, не свойственную человеку с атеистической моделью мира. «В этом скользящем свете, в напеве грустном, в ушедшем куда-то дедушке, который видел то же, что теперь вижу я, – чуюсь смутной мыслью, что все уходит... Я изгибаю голову, слежу за скользящим светом... – вижу из щели небо, голубую его полосу между стеной и домом... и меня заливают радостью» (С. 428).

Таким образом, в осмыслении темы смерти И. Шмелев предстает как православный писатель. Такое решение темы смерти, ощущение жизни как пути реализовано в жанре хождения и в мотиве пути, о которых было сказано выше. У И. Шмелева и В. Крупина обнаруживается сходство в отношении к смерти, не случайные ситуативные переключки. Оба старика, Горкин во время крестного хода, Чудинов перед самым крестным ходом, заболевают, думают, что умрут, и прощаются с жизнью. Их поведение указывает на христианское отношение к смерти. Оба старика «восстают» с божьей помощью. «Умирать хорошо, плохо жить во грехах», – говорит Чудинов (С. 552). В описании смерти И. Шмелев и В. Крупин следуют лучшим традициям древнерусской литературы. Смерть древнерусским авторам виделась как освобождение от суетного. В произведениях писателей XX в. спокойное принятие смерти отражено в мудром отношении к ней Горкина и Чудинова. Избавление от смерти оба старика принимают как Божий дар и продолжают свой путь к святыням.

Центральные герои сходны по типу личности и по способам отражения верующего человека в слове. Как справедливо отмечает А.М. Любомудров, характеризую «Богомолье», «Шмелев рисует паломнический тип личности, отличающийся как от светского путешественника, «туриста» (сформировавшегося уже в XX веке), так и от «странника». И в этом явное новаторство книги Шмелева... От всех других паломника отличает движущая им цель – прикоснуться к святости. Устремленность эта глубока, захватывает всю личность, предстает как важнейшее дело жизни»⁴. В. Крупин продолжает традицию И. Шмелева, создавая образ Николая Ивановича Чудинова. Вся жизнь Горкина и Чудинова посвящена стремлению к святости. Горкин смирен, но тверд в своем служении Богу. Чудинов всю свою жизнь посвятил спасению души, приобщаясь к святости. Его упорная борьба со Шлемкиным (в начале повести он в очередной раз изгнан из своего бедного пристанища, в финале он первым ступает в холодную воду в ответ на отказ Шлемкина дать паром ему и идущим с ним к месту обретения иконы старухам) длится всю сознательную жизнь обоих. Чудинов тверд в вере, несмотря на мягкость характера. Способен он поминать в молитвах «ненавидящих и обидящих».

Поднимаясь по ступеням «лестнице страстей», Горкин и Чудинов не могут миновать борьбы с этими страстями и помыслами. Испытания и борьба с ними – одна из ключевых категорий православной антропологии. Горкин ссорится с Брехуновым, корит себя за гнев. Причину своего внезапного помрачения объясняет так: «А ведь это все испытание нам было... все *он* ведь это. Господи, помилуй...» (С. 443). Свое падение, связанное с пьянством, Чудинов характеризует в таких категориях: «На меня напало такое томление, такая тьма объяла, что молось, молось и не легче... Но молился... Я тогда святцы плохо знал, знал основные праздники, а когда вышел, святцы изучил и ахнул от счастья, ведь это именно преподобные Вонифатий и Моисей Мурин меня

⁴ Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев. СПб., 2003. С. 150-151.

спасли. Понимаешь, память Вонифатия падает на 1 января, а Моисея Мурина – именно на 10 сентября. Именно они охраняют от винного запоя. Так что, Геня, молись и веруй, что добьешься трезвения тела и мыслей» (С. 548). Борьба со страстями и помыслами рассматривается героями как борьба за душу человека Бога и дьявола.

Бесценна роль молитвы в деле спасения души и тела, что и подчеркивают верующие герои И. Шмелева и В. Крупина. Сходство в том, что молитва сопровождает, спасает, охраняет, без нее себя не мыслят герои. Тексты молитв звучат в устах героев «Богомолья» и «Великорецкой купели». Например, Анюта, внучка Домны Панферовны, учит Ваню молиться великомученице Варваре. Поют в пути богомольцы, и «становится на душе легко» (С. 444), читают молитвы Сергию над болящим: «Преподобный отче Се – ргие... Моли Бога о на – ас..!» (С. 516). Николай Иванович пишет имена умерших, «прошептывая на каждом имени: «Подаждь, Господи, оставление грехов всем прежде отошедшим в вере и надежде воскресения, отцем, братьям и сестрам нашим и сотвори им вечную память» (С. 471). В. Крупин замечает, что Николай Иванович «сколько уже раз, сотни, наверное, он прочитывал псалтырь целиком. От первых, настраивающих на высокий подвиг внимания слов: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых...» до последних, благодарно-торжественных: «Всякое дыхание да хвалит Господа»» (С. 478). Все свои дела герои И. Шмелева и В. Крупина сопровождают молитвами. Все важнейшие и рядовые события жизни тоже освящаются молитвой. Важно, что само молитвословие происходит с «сокрушенным сердцем», «со вниманием сердечным». Все это указывает на неформальный подход к святому слову. Молитва – важнейшая часть жизни верующих героев И. Шмелева и В. Крупина. Их обретение себя через веру в Бога, открытие в себе божественного отсвета происходит через молитву. Чудесное спасение, избавление от болезней, пороков тоже дается по вере и через искреннюю молитву. В этом сказалось следование обоими писателями представлениям православной антропологии и этики. В продолжение традиции оба писателя показывают очищение героев через преодоление страстей. В литературе нового времени психологические состояния не внеположны человеку, а составляют его душевно-телесную природу. Новаторство в типе личности, художественно открытым И. Шмелевым, развивает В. Крупин. Оба героя оценивают себя в координатах греха – покаяния, обнаруживая глубинную связь с православным типом личности. Оба имеют ясную и святую цель. Различные психологические состояния героев передаются через символику света и тьмы, олицетворяющих восхождение и падение, борьбу человека с дьявольскими искушениями и очищение в себе божественного образа и подобия.

Итак, особенности духовного реализма, раскрытые в жанре древнерусского хождения, воплощены в повестях И. Шмелева «Богомолье» и В. Крупина «Великорецкая купель». Писатели отразили православную картину мира, ориентированную на вертикаль, на вершине которой Христос. Категории христианской антропологии стали ключевыми в характеристике их героев и предопределили структуру повествования.